

Ситуация на поле боя внезапно изменилась через несколько дней. Континентальная война, которая началась с экономического противостояния между Севером и Югом, и религиозные конфликты между Западом и Востоком, которые разразились в тот же период, дополняли друг друга и еще более усугубили ситуацию. Гильберта и Силы Специального Назначения Армии Лейденшафтлиха обычно отправляли не на крупные поля сражений, а на более мелкие в разных точках. Быстрое решение проблем оставили на Спецназ. И разнообразные сражения – другими словами, стычки-неуклонно распространялись на континенте. Это были непростые столкновения, в которых противоборствующие силы концентрировались на одном участке.

Обширное поле битвы, разделяемое линиями обороны севера и южными буферными зонами, было названо Интенсивным. Оно базировалось прямо в сердце континента. Весь регион состоял из священных земель, согласно религии стран Запада и Востока. Это был город из камня и крупнейший центр снабжения на юго-западной территории. Желая завладеть западной стороной священных земель, Восток предоставил свои силы Северу, союзной нации, а Запад, следовательно, присоединился к Югу.

Было три часа утра, когда поступило сообщение о том, что линии защиты в Интенсивной зоне были уничтожены. Указанные линии обороны, в которых было полно военных лагерей, были быстро уничтожены атаками Севера. В то же время уменьшались конфликты в различных районах. Детали этого инцидента означали, что Север, которому с самого начала не хватало природных ресурсов, и Восток, который предлагал ему поддержку, оказались не в состоянии и дальше поддерживать локальные стычки, сосредоточив свои вооруженные силы на Интенсивной линии, начиная полномасштабную войну.

Юго-западные лагеря, которые не были готовы моментально отреагировать на внезапные атаки превосходящих сил противника, начали отступление. Гилберту и его подразделению, входившему в Союз Юго-Западных Наций и слышавшему доклад о прорыве оборонительных рубежей, были вручены повестки о призыве. Пришел посланник, чтобы официально объявить, что каждый собравшийся там солдат должен был принять участие в решающей битве, в которой соберутся все армии.

Казалось, войска северо-восточного союза уже достигли священных земель и взяли их под свой контроль. На самом деле, следующая битва была не просто захвата территории или объединения священных земель – это была бы полноценная финальная битва. В случае неудачи территории их страны будут разграблены врагом. Отряды, которые были направлены в различные области, собрались в крепости, установленной на окраине священных земель.

Была уже глубокая ночь, когда Гилберт и остальные прибыли в штаб. В лагере он встретился с Ходгинсом после долгих лет разлуки.

«Ты выжил.» На этот Гилберт подошел к Ходгинсу и похлопал его по плечу.

Рыжеволосый мужчина широко улыбнулся, обернувшись. «Гилберт ... эй. Значит, ты тоже жив. Ты беспокоился обо мне? Многие из моих подчиненных погибли, но... я выжил».

Он был ответственным за часть войск, дислоцированных в Интенсивной зоне. Его печаль и горе от потери товарищей не скрылись за улыбкой. Он рассмеялся собственной шутке, но большие мешки пол глазами выдавали его скорбь.

Меняя местоположение, Гилберт и его отряд осмотрели место битвы Интенсивной линии обороны, но не нашли ничего, кроме кучи трупов, разбросанных по земле. Не было времени даже на безмолвную молитву-все должны были подготовиться к решающей битве.

Ходгинсу, вероятно, было тяжело переносить это бремя, так как это были его товарищи, которым он доверял свою жизнь и ежедневно рисковал ею. Однако в тот момент, когда он увидел Вайолет, он, наконец, искренне обрадовался. «Это... та самая маленькая девочка?»

«Вайолет. Я дал ей это имя....»

«Ты... можешь придумать несколько довольно напыщенных имен. Маленькая Вайолет, да? Ну, это не первая наша встреча, но ты не помнишь меня, не так ли? Я твой старый знакомый. Зови меня майор Ходгинс.»

Вайолет отдала ему честь, держа в руках чашку с супом. Даже в темноте ее завораживающий взгляд на мгновение загипнотизировал его. Гилберт откашлялся, возвращая его к реальности.

«Ты стала красавицей...» Ходгинс положил руку на плечо Гилберта и тихо сказал, когда оба повернулись спиной к Вайолет: «Ты ... это ... действительно ... плохо, понимаешь? Такая молодая женщина в боевой зоне ... ну, я имею в виду ... не похоже, что ей нужно переживать из-за её красоты ... даже мой корпус знает о ее подвигах».

«Я слежу за Вайолет, поэтому не о чем беспокоиться».

«Может быть, но ... как бы это сказать? Это пустая трата времени. Нельзя сказать, что физическая сила - это единственный дар, которым она была наделена с рождения. Было бы ... здорово, если бы у нее была другая жизнь, в которой она нашла свое место.»

Эти слова пронзили сердце Гилберта. Было очень больно слышать, как кто-то еще угадывает его мысли. Кроме того, причиной всего был сам Гилберт. В конце концов, будучи ее опекуном, он был прежде всего военным офицером, который охотно заставил ее сражаться.

— Я знаю это... лучше, чем кто-либо.

Независимо от того, насколько она была ошеломляющей или насколько она казалась одаренной другими талантами, до тех пор, пока она была прикована к такому солдату, как Гилберт, она была всего лишь автоматизированной куклой-убийцей.

«Знаешь, я... думаю о том, чтобы уйти из армии и открыть свой бизнес, как только эта война

закончится. Когда это произойдет ... Интересно, должен ли я пригласить ... маленькую Вайолет?» Ходгинс достал сигарету из смятой упаковки и сунул ее в рот.

Поскольку в упаковке осталась только одна сигарета, Гилберт взял ее. Он не был настолько глуп, чтобы не принять предложение своего друга в ночь перед решающей битвой после бесчисленных недель отказа от курения. Они вместе закурили, приблизившись друг другу.

«Когда солдат говорит что-то подобное прямо перед последним боем, это обычно означает "это"» - Сказал Гилберт с мрачным выражением лица, выдыхая дым.

«Нет, я не умру! Абсолютно. Я на самом деле уже думал о покупке компании...»

«Где ты возьмешь на это деньги?»

«От ставки в одной игровой организации, где мы поставили всё наше состояние на то, кто победит в этой войне.»

«Почему ... ты ведешь такой безответственный образ жизни?»

«Видишь ли, я не из семьи потомственных солдат. Моя семья ведет обычный бизнес в нашей стране. И я второй сын. Я вступил в армию, потому что тот, кто преуспел в семейном бизнесе, был мой старший брат. Если есть что-то, чем безработный второй сын может внести свой вклад в свою семью, это защитить её, защитив страну, верно? Вот почему, если победит Юг и Лейденшафтлих больше не будет сражаться, хотя бы на час, я открою свое собственное агентство. Знаешь, я из тех парней, которые могут сделать что угодно, если я дал слово, поэтому я мог бы подняться еще на несколько рангов, если бы я остался в армии, но ... в этом есть что-то неправильное. И я наконец понял что»

Гилберт искренне завидовал Ходгинсу, робко рассказывающего о своих мечтах, хотя они могут не дожить до завтрашнего дня. В таких обстоятельствах его друг смог поделиться своими надеждами и планировать с ними будущее. Возможно кто-то посмеялся бы над этим, но Гилберт считал это чем-то великолепным.

— У меня нет ничего, что я хочу делать, и я не могу придумать ни одного другого места, куда бы я мог пойти.

Он зашел так далеко, оправдывая надежду, возложенную на ребенка, рожденного в благородной военной семье Бугенвиллей.

— Тогда как насчет Вайолет?

Она была недалеко, сидела на земле, глядя на костер. Поскольку она всегда была рядом с Гилбертом, никто не мог поговорить с ней, но он чувствовал взгляды солдат в лагере,

сосредоточенные на ней. Она не должна была быть тут.

— Если предположить, что она могла бы... прожить остаток своей жизни в красивой одежде, одетая в более красивую одежду, подобранную такой же девочкой-подростком, как и она сама... Нет, пусть даже если они не красивые. Если бы она могла жить в месте ... где она могла бы действовать по собственной воле, а не по моему приказу ... я чувствую ... что она сможет ... добиться чего-то выдающегося.

«Хорошо. Если твой бизнес безопасный, я мог бы оставить ее на твое попечение.»

Гилберт был склонен к военному делу. Он никогда не испытывал тревоги или беспокойства, когда получал повышение в армии. Бог даровал ему судьбу, которая идеально подходила ему.

Поскольку Ходгинс не ожидал, что получит согласие, он собирался бросить сигарету, когда произнес «А?» - как бы прося повторить.

Вайолет, которая молчала, заторможено отреагировала и подняла голову в их сторону.

«Как я уже сказал, если это подходит Вайолет, я мог бы оставить ее на твое попечение...»

«В самом деле!? Я принимаю это за обещание! Напиши свидетельство!»

Гилберт закашлялся, когда его схватили за воротник формы и трясли взад-вперед. «Я сказал возможно! Это не обещание!»

«В-в моем бизнесе определенно потребуется девушка, которая может без колебаний путешествовать в опасные районы...»

«Если ты заставишь ее подвергаться опасности, я откажусь».

«Ну, даже если я скажу, что это опасно... это... не значит, что постоянно над ней постоянно будет висеть угроза»

«Давай поговорим об этом позже. Увидимся, Ходгинс.»

«Ей, Гилберт! Не забывай, что ты обещал, несмотря ни на что! Несмотря ни на что, понял !?»

Не обращая внимания на уговоры Ходгинса, Гилберт взял Вайолет с собой обратно в их палатку. Они проведут ночь в одиночестве. Поскольку столько военнослужащих были собраны вместе, очевидно, что не хватало места для всех, и Вайолет не смогла найти себе отдельную палату. Кроме того, если бы ее назначили в другие большие палатки, был бы риск того, что

люди предпримут неуместные действия, а число солдат уменьшится прямо перед боем.

Палатка, к которой оба шли, предназначалась для хранения багажа и имела ограниченное пространство, в котором можно было спать. Если бы они перевернулись во сне, их тела определенно соприкоснулись бы. Гилберт понял, что странно нервничает по этому поводу.

--Нет, но...

Он привел её домой на руках, после первой встречи. В прошлом, когда она была залита кровью и не знала, как говорить, не смотря на то, что он был в ужасе, он все же обнимал ее. Все это время она наблюдала за ним, словно в нем было что-то загадочное.

В настоящий момент, когда он наблюдал за ее профилем, пока она распускала волосы, несмотря на то, что она превратилась в стройную леди, она все еще была юной девушкой. Хотя её зрелые очертания, казалось, были наполнены женственностью, в её теле жила душа свирепого война.

Возможно, потому, что Гилберт смотрел на нее, Вайолет повернулась к нему. Их взгляды встретились.

«Майор» - позвала она тихо, словно собираясь рассказать ему секрет.

«Что?» - спросил он так же.

«Что ... я должна делать... позже?»

"Что ты имеешь в виду...? Завтра последняя битва. Мы будем выполнять свои обязанности»

«Нет, я имею в виду после. Что мне делать, когда закончится завтра? Майор, вы ... говорили об этом с майором Ходгинсом. Что ты доверишь меня ему.»

«Ты слышала?»

Лицо Вайолет, как обычно, было непоколебимо, но ее голос звучал странно нервно.

«Это ... еще не решено».

Когда Гилберт сказал это небрежно, Вайолет спросила: «Я... больше не нужна?»

«Вайолет?»

«Буду ли я передана майору Ходгину... из-за того, что я больше не нужна? И я больше не смогу получать приказы Майора?»

Её вопросы говорили о том, что она считает себя "вещью".

«Я ... скорее всего ... не смогу принять приказы майора Ходгинса. Я ... не ... очень хорошо понимаю это ... но я не смогу подчиняться приказу тех, кого я признала. Вот почему ... я была бы полезной... оставаясь рядом с Майором.»

Лицо Гилберта помрачнело после этой фразы. «Ты ... так сильно жаждешь моих приказов?»

Он был тем, кто приказывал лишь убивать. Таков был родитель, воспитавший ее. Таким уж он был человеком.

«Приказы значат для меня все. И ... если Майор не даст мне их ... я...»

—Почему...я снова чувствую себя таким ничтожным?

Так было всегда. Вайолет убеждала его, думая о себе как о инструменте. Она подчиниться, даже не желая этого. Такова была ее природа. Таков был ее образ жизни. Такой она была.

— Тем не менее, это ...

Ему было слишком трудно видеть ее такой.

— Почему... я должен...

«Почему я ... почему... это ... я?»

«А?»

Его бормотание сложно было разобрать, несмотря на то, как близко они были друг к другу.

Гилберт с болью выплюнул слова откровенности, которые он никогда не говорил Вайолет прежде: «После этой битвы... тебе больше не придется подчиняться моим приказам. Я... планирую отпустить тебя. Ты тоже должна научиться делать то, что хочешь. Ты не должна слушать ничьих приказов. Действуй по собственной воле. Теперь ты можешь ... жить одна где угодно, понятно?»

«Но... если я сделаю это, чьи приказы я буду...»

«Не выполняй чьи-либо приказы».

С её выражением лица, Вайолет была совсем юной девушкой. Ему захотелось спросить, зачем она идет на поле боя? Почему ее тело склонно к войне? Почему она доверила себя другим людям и стала их орудием.

— Почему она ... выбрала меня своим хозяином?

«Это ... приказ?» - отчаянно обратилась Вайолет с искаженным лицом, которое отражало ее нежелания допустить, чтобы это произошло: «Это приказ майора?»

- Ааа... почему? Как так?

"Нет..."

«Но ты сказал "не выполняй" ...»

- Нет, все должно было быть по другому...

Его разочарование по поводу того, что все идет не так, как он хотел, закипело в его голове и вырвалось наружу.

«Почему ... ты все воспринимаешь как приказ, несмотря ни на что?! Ты ... действительно веришь, что я вижу в тебе инструмент? Если бы это было так, я бы не держал тебя на руках мелкой и точно не возился с тобой, пока не вырастишь! Несмотря ни на что... ты не понимаешь... что я чувствую ... к тебе. Каждый ... любой бы ... наверняка понял. Даже когда я злюсь, даже когда мне тяжело, я...!» Он видел отражение своего жалкого лица в глазах Вайолет. «Вайолет... Я...»

Эти голубые глаза пристально смотрели на Гилберта. Впрочем, то же самое было и с его зелеными. Прежде чем он понял, он обратил свой взор на нее. Уже четыре года они могли пойти куда угодно вместе.

«Майор...»

С того момента, как ее розовые губы произнесли ее первое слово, Гилберт сделал все, что мог, чтобы защитить ее. Когда они впервые встретились, он был еще совсем юн и не знал, как воспитать ребенка.

«У тебя ведь есть чувства? Должны быть, верно? Не может быть, чтобы их не было. Разве не так? Если у тебя нет чувств, то что это за выражение лица? Как ты можешь делать такое лицо?»

У тебя есть чувства. У тебя ...есть сердце, как и у меня, верно !?»

Его вопли, вероятно, можно было услышать из близлежащих палаток. На секунду задумавшись о ней, он почувствовал, как сжалось сердце. Он не имел права читать ей нотации с таким тщеславием.

«Я не... понимаю... чувства» - сказала Вайолет дрожащим голосом, словно указывая на то, что она не знала, что выражение ее лица было опасением.

«Ты ... думаешь, я сейчас пугаю тебя... не так ли? Тебе не понравилось ... что я вдруг закричал, да?»

«Я не знаю.»

«Тебе не нравится, когда тебе говорят то, что ты не понимаешь?»

«Я не знаю. Я не знаю.»

«Это неправда...»

«Я не знаю.» Вайолет покачала головой, умоляя. «Майор, я действительно... не знаю».

В ней отсутствовало что-то существенное, как в личности. Даже если у нее были чувства, она не могла их воспринимать. Она была воспитана таким образом.

- Кто... в этом виноват?

Гилберт положил руку на веки и закрыл глаза. Он больше не мог смотреть ей в лицо. Все, что он мог слышать, это шум ее дыхания. Он не мог видеть ее.

«Майор», когда он отстранился от реальности, голос Вайолет отозвался эхом в его ушах. «Я не... понимаю себя. Почему я так отличаюсь от других людей? Почему я не могу ... слушать приказы от кого-либо, кроме Майора ...?» Она говорила крайне безнадежно. «Когда я... впервые встретила Майора, я просто подумал про себя: «Следуй за этим человеком».

Просто слыша её, он мог сказать, какой она была незрелой, даже если не хотел признавать этого.

«Пока я размышляла над тем, что было сказано среди потока слов, которые я не могла разобрать, то, что майор сначала обнял меня... Никто никогда не делал этого со мной... тогда или сейчас ... с желанием защитить меня. Вот почему... я хочу... слушать приказы майора. Если

у меня есть приказ майора, я могу пойти куда угодно.»

Даже будучи ребенком, она искренне стремилась лишь к Гилберту.

- Кто... в этом виноват?

После минуты молчания Гилберт тихо прошептал: «Виолетта, прости.» Он открыл глаза и потянул к ней руку, накрывая одеялом ее до подбородка. –«В конце концов я говорил так, словно обвинял тебя в чем-то, в чем ты не виновата... я бы хотел, чтобы ты простила меня. Завтра... решающая битва. Многие ждут от нас силы. Так что давай спать. Давай поговорим позже... о том, что мы будем делать после этого.» Он использовал самый нежный тон, на который был способен.

«Да». Вайолет вздохнула с облегчением. «Я обязательно постараюсь быть полезным. Спокойной ночи, Майор»

«Аах ... спокойной ночи, Вайолет.»

На мгновение послышался небрежный шорох, но вскоре Гильберт услышал ровное дыхание спящего человека. Повернувшись спиной к Вайолет, он тоже попытался уснуть. Однако слезы хлынули из его закрытых глаз.

- Мои веки горят. Как будто мои глаза пылают.

Слезы, которые накапливались так долго, что он не мог больше терпеть, лились рекой. Он делал все возможное, чтобы его плач не вырвался наружу. Он прижал руку к лицу, с трудом перенося боль в груди.

- Кто... в этом виноват?

Это были единственные мысли в его голове.

<http://tl.rulate.ru/book/4767/571552>